

Пётр Любестовский

Сыночек

«Мы же русские люди»

Директор небольшой мебельной фирмы Игорь Петрович Костин, офицер-отставник лет пятидесяти пяти, решивший попытать счастья в бизнесе, уже с самого утра изрядно устал. Последнее время дела фирмы складывались неудачно: то качество сырья низкое, то перебои с комплектующими, то фурнитура ненадёжная. И, как следствие, выработка готовой продукции снизилась, спрос на мебель упал.

Директор всячески стремился в короткий срок исправить положение. Он вставал чуть свет, вызывал машину. Едва успевал выпить чашку кофе, как «Ауди» уже стояла у подъезда.

— На износ работаете, Игорь Петрович, — предостерегал шефа водитель.

— Ничего, Серёга, на том свете отдохнём, — мрачно шутил Костин, стараясь держаться бодро.

С раннего утра директор обходил все производственные участки, дотошно вникал в производственный процесс, проверял качество продукции, следил за параметрами приборов, за производственной дисциплиной. Нерадивым работникам давал накачку:

— Сам разорюсь и вас по миру пуцу, если не будете отдаваться работе.

Метод закручивания гаек давал определённые результаты. Однако Костин понимал: чтобы кардинально изменить положение дел, надо срочно переходить от дедовских методов к современному производству. А это значит — вкладывать солидные финансовые средства в строительство нового производственного корпуса, в новое автоматическое оборудование. Словом, перевооружать производство, вводить новые мощности и благодаря этому добиваться высокого качества продукции.

Меж тем средств катастрофически не хватало, и директор вынужден был взять очередную ссуду в банке под высокие проценты. Теперь необходимо было проследить, чтобы каждый рубль, вложенный в дело, не пропал даром, а окулился сторицей.

Почувствовав усталость, директор решил немного отдохнуть — поработать с документами. Костин прошёл в офис, поднялся в кабинет, предупредив секретаршу:

— Марина! Ко мне пока никого.

— Хорошо, Игорь Петрович. Сейчас принесу кофе и свежую почту.

Костин тяжело опустился в кресло, задумался. Вошла Марина — поставила на стол чашку дымящегося кофе, аккуратно сложила прессу на край стола и тихонько удалилась.

Костин сделал несколько глотков кофе и, взглянув на письма, остановился на одном из них. В письме шла речь об оптовой закупке офисной мебели. Настроение мигом поднялось, спал груз усталости.

Напевая лёгкий мотивчик, Костин переключился на областные газеты. Отдельные только полистал, другие пробежал глазами.

Добрался до старейшей газеты — патриарха областных СМИ. Он полюбил её ещё с той поры, как молодым лейтенантом был направлен на службу в военный гарнизон неподалёку от областного центра. Уважал за принципиальность, за неизменную нравственную позицию, за близость к простым людям. Костин был глубоко убеждён, что настоящая газета должна чувствовать людскую боль. На таких принципах всегда держалась русская журналистика. Недаром же ещё Александр Герцен считал, что она есть «не врач, но боль».

Ныне любимая газета переживала нелёгкие времена. На рынке средств массовой информации хлынул поток низкопробной печатной продукции, смакующей всё, что пахнет жареным, играющей на низменных чувствах читателей. Его же избранница, как бедная интеллигентная женщина, знающая себе цену, и в горьком унижении не роняла своего достоинства. Костин как мог поддерживал газету: давал рекламные объявления, посылал для публикации праздничные поздравления своего коллектива, поощрял лучших работников фирмы подпиской на газету.

Всех журналистов газеты Костин узнавал с первых строк, не заглядывая в конец статьи, где стояла подпись автора. С некоторыми из них был знаком лично, других знал только как читатель, но уважал тех и других — все были профессионалами своего дела.

На второй полосе в глаза бросился очерк Таисии Крестинской «Не разлучайте нас с мамой». Это была корреспонденция из тех, что раньше выходили под рубрикой «Письмо позвало в дорогу». Очерк захватил Костина, и он с головой ушёл в чтение.

В редакцию пришло письмо от молодой женщины из деревеньки Соколья Гора, давно забытой Богом. Женщина жаловалась на бездушных чиновников, которые хотят отнять у неё детей за то, что они живут в нищете. Это был крик погибающего человека: «Муж в бегах — скрывается от алиментов, сама бьюсь как рыба об лёд, но не могу свести концы с концами. Работы в селе нет — колхоз давно распался. Доход от домашнего хозяйства с гулькин нос, пособие на детей мизерное — на хлеб не хватает. Хата прохудилась, одежонка поизносилась, а чиновники вместо того, чтобы оказать помощь, собираются отобрать детей, которым нечего есть. Но разве я виновата, что оказалась в столь плачевной ситуации?! Неужели им неведомо, что ныне так или почти так живёт пол-России?!»

Корреспондент газеты выехала в Соколью Гору и ознакомилась с положением дел на месте. В публикации сообщалось, что факты, изложенные в письме, нашли своё подтверждение. Женщина не пьёт, ведёт небольшое хозяйство. Бывший муж алименты не платит, местонахождение его неизвестно. В старой, ветхой хибаре поддерживается относительный порядок. Трое детей одеты в латаную, но чистую одежду и худые настолько, что насквозь светятся. Чиновники действительно проверяли положение детей, угрожали матери забрать их и направить в приют.

Зацепила Костина эта статья — чуть слеза не прошибла. Сам он выходец из села, родился в трудную послевоенную пору и не понаслышке знал, что такое нужда. Отец рано скончался от фронтовых ран, и мать в одиночку тянула свой нелёгкий воз — поднимала четверых детей. Игорь был старшим и, едва подрос, стал помогать матери — подрабатывать подпаском. А позднее — пахал, сеял, косил и стоговал сено каждое лето наравне со взрослыми. Когда приходилось неделями голодать — выручали соседи. Кто блинков даст, кто хлеба горбушку, кто картошкой поделится, кто кружку молока нальёт. Особой жалостью отличалась бабка Арина: видя голодные глаза детей, сама не съест, а их накормит. Урожай соберёт — часть выделит соседям за помощь. На всю жизнь запомнил Игорь, как простыл, провалившись в полынью, тяжело заболел, и бабка Арина спасла его растирками и сиропом из кускового сахара. Мать, бывало, всплакнёт: «Как я с тобой, Семёновна, рассчитывать буду?» А она в ответ: «Успокойся, Ульяна! Мы же русские люди и должны помогать друг другу. Иначе нам не выжить».

В военное училище Игоря Костина провожали всей деревней. Бабы плакали, напутствовали парня: «Хотя бы тебе, старшему, повезло выбраться из нищеты. Тогда и других вытащишь». Повезло. Училище окончил с отличием и всегда добрым словом вспоминал своих душевных земляков. Потом, когда уже крепко встал на ноги, хотел

собрать всех за общим столом, сказать им тёплые слова. Но было поздно — переспективная деревенька приказала долго жить: старики померли, а молодёжь покинула отчие дома...

Костин встал, нервно заходил по кабинету, о чём-то напряжённо думая. И вдруг решительно шагнул к столу, нажал кнопку внутренней связи: — Марина, срочно вызови Сергея.

Не успел Костин как следует обдумать своё решение, на пороге уже стоял водитель.

— Слушаю вас, Игорь Петрович.

— Вот деньги, — протянул ему несколько крупных купюр шеф, — срочно поезжай в универмаг. Купи три комплекта детской одежды — на три, семь и девять лет. Двое последних — мальчики, малышка — девочка. Куртки, брюки, рубашки, платица, спортивные костюмы, кроссовки. А ещё — продукты: хлеб, сыр, колбасу, пельмени, тушёнку — всё качественное. И обязательно сладости: конфеты, печенье, пирожное, вафли, лимонад. Возьми себе в помощь Лену Гусакову из планового отдела. Жду тебя через пару часов.

Не прошло и двух часов, как Сергей докладывал шефу:

— Игорь Петрович, задание выполнено. Машина наполнена под завязку. Всё качественное, по моде и со вкусом. Куда прикажете доставить?

— Поехали, — сказал Костин и на ходу бросил секретарше: — Марина, все вопросы к заму. Буду к вечеру.

Стояла ранняя осень. За окном машины проносились деревья, одетые в нарядный убор. Проплывали серебристые паутинки бабьего лета, цеплялись за придорожное быльё. «Много паутины — добрый знак. Осень будет ядрёная», — вспомнил Костин слова матери. На дальнем поле ярко зеленела свежая, молодая озимь. На опустевших лугах виднелись высокие стога. Рядом с дорогой, на голой стерне, золотились копны пшеничной соломы. Среди них разгуливали стаи журавлей, собирающихся в дальнюю дорогу.

В Соколье Горе гости без труда отыскивали старую деревянную хибару: журналист описала деревню так, что ошибиться было трудно. Тропинка к избе пролегла через высокий колючий бурьян.

Водитель подъехал почти вплотную к хате, поднялся на крыльцо, постучал в дверь. На стук вышла хозяйка, довольно молодая, но с лёгкой проседью на висках. Озабоченным взглядом широко распахнутых глаз она посмотрела на гостей. На лице мелькнуло удивление, быстро сменившееся страхом. «Наверное, приняла нас за тех, кто грозился отнять детей, — подумал Костин. — На мою мать в молодости похожа — русская статья, гордость, красота, несмотря на невзгоды».

— Мир вашему дому! Вас, кажется, Людмилой зовут? — шагнул к крыльцу Костин. — Не пугайтесь — мы к вам с добром. Узнали, что вы попали

в сложное положение, и хотим вам помочь, если вы, конечно, не против...

Хозяйка удивлённо вскинула брови, некоторое время молчала. Похоже, в горле застрял горячий ком.

— Проходите в дом, — наконец взволнованно произнесла она.

— Сергей, открывай багажник — доставай подарки, — распорядился шеф.

Водитель стал вынимать сумки, пакеты, коробки и осторожно складывать на лавочках у крыльца. Хозяйка стояла на крыльце в окружении ребяты словно вкопанная. По её впалым щекам текли слёзы. Костин смотрел на её худенькое лицо, на грубые пальцы, то нервно теребящие концы платка, то поглаживающие волосы дочурки, и думал о её нелёгкой доле.

— Ну что же вы стоите? Помогайте, — обратился к детям гость.

Дети посмотрели на мать, и та в знак одобрения кивнула головой. Ребята тотчас несмело подошли к сумкам, стали таскать их в хату.

Подарки сложили на старом проваленном диване, неподалёку от печки. Часть коробок разместили на полу. Прежде чем распаковать их, Костин окинул взором внутреннее убранство избы.

Из всех углов на гостя смотрела своими грустными глазами бедность. Несколько табуреток, кровать с панцирной сеткой, старая детская кроватка, источенный сундук, стол в святом углу — вот и вся мебель. На стенах — жёлтые фотографии. На потолке пятна подтёков, половицы прогнулись, подоконники покосились.

Когда вышли на крыльцо, Костин спросил у хозяйки:

— Есть ли поблизости добротный дом на продажу? — Вы, верно, под дачу ищете? Тогда в посёлке на центральной усадьбе посмотрите кирпичный дом. Там старенькая учительница жила. Дочь забрала её в город. Узнав о продаже дома, администрация выкупила его, а теперь задумала продать. Говорят, что дорого просят, но я уверена: покупатель найдётся. Место там красивое: бывшее дворянское поместье, старинный парк с вековыми деревьями, живописное озеро. Думаю, вам понравится.

— Поедем, Сергей, — позвал водителя Костин. И обратился к хозяйке: — Мы не прощаемся. А вы пока продолжайте распаковывать сумки, доставайте продукты и вещи, угощайтесь, примеряйте обновки.

В пути Костин упрекнул водителя:

— Ну что же ты, Серёга, ничего хозяйке в подарок не подобрал?

Тот в недоумении посмотрел на шефа:

— Игорь Петрович, так мы же вели речь только о детях.

— Ладно, — улыбнулся Костин, — будет подарок и хозяйке...

Несколько часов спустя иномарка вновь мчалась в Соколько Гору по просёлочной дороге. В поле было тихо и покойно. От пестроты красок осеннего дня, от бордовой вечерней зари, что догорала далеко на западе, от запаха горькой полыни, что врвался в окно машины с прохладным воздухом, было немного грустно и в то же время легко на душе. Костин поймал себя на том, что давно не испытывал такого приятного состояния. Хотелось остановить машину и остаться здесь на весь вечер и на всю ночь. Но надо было спешить, чтобы успеть в деревню до темноты.

Узнакомой избы шофёр нажал на тормоза. Всё семейство выспало на крыльцо встречать добрых волшебников. Ребята были в обновках.

— Ну вот, какие вы нарядные и ещё более красивые! — сдерживая волнение, восторженно произнёс Костин. — А коль так, собирайте свои пожитки, и едем в ваш новый дом. Там уже всё готово для приёма новосёлов.

Людмила сразу ничего не поняла, а когда до неё дошло, что гость интересовался новым жилищем для неё, она решительно отстранила детей и, не помня себя, бросилась Костину в ноги.

— Господи милостивый, уж не с небя ли вы свалились? Назовите же своё имя, чтобы я знала, за кого мне теперь молиться до конца жизни, — сквозь слёзы произнесла она.

— Ну-ну, — остановил её Костин, обняв за плечи. — Вот этого не надо. Да и имя не обязательно. Мы же русские люди и должны помогать друг другу...

По весне, когда дела мебельной фирмы резко пошли в гору, Костин открыл свежий номер любимой газеты, и на развороте ему бросился в глаза заголовок заметки «Мы же русские люди!».

«Уважаемая редакция! Пишет вам женщина, о которой вы написали осенью в статье „Не разлучайте нас с мамой“. Может, моё письмо покажется нескладным, потому что я очень волнуюсь — столько всего на меня свалилось за последний год. Хорошего. У меня теперь есть свой добротный дом. Местного вдовца с ребёнком приняла в семью. Надёжный человек. Не пьёт, работает. О детях заботится. Живём дружно. Недавно родилась доченька — моя прекрасная принцесса. Назвали её Таей, в честь вашей журналистки Таисии Крестинской, благодаря которой мне помогли приобрести дом, мебель, одежду для детей, продукты на зиму. Хочу через газету донести слова благодарности и низкий поклон до замечательного русского человека большой души, который проявил неравнодушие и принял живое участие в моей нелёгкой судьбе, подарив мне прекрасный дом, а вместе с ним — веру в людей. Я не знаю его имени — он даже не представился. Просто сказал: „Мы же русские люди и должны помогать друг другу“. Дай Бог ему и всем моим благодетелям здоровья»

и благ земных и небесных. Спасибо большое от меня и моих детей вашей замечательной газете.

С глубоким уважением, Людмила Ивушкина».

Бабушка приехала

В беспомощные всматриваюсь лица—

Поблёкшие глаза, потухший взгляд...

Молитвами какими отмолиться

За брошенных, больных, за мрак и ад?

Не нужны ни детям бессердечным,

Ни внукам в окружении невест,

На жалких костылях в глухую вечность

С достоинством они несут свой крест.

Татьяна Мельникова

В тягостную осеннюю пору, когда во дворе семь ненастий за день, в тихий российский городок вблизи южной границы заглянул видный, импозантный мужчина лет тридцати на иномарке.

Было сырое, зябкое, туманное утро. Чёрные голые ветви придорожных деревьев, проглядывавшие сквозь пелену серого марева, окутавшего улицу, казались какими-то причудливыми странными существами.

Мужчина припарковал машину у неказистого здания старинной постройки, поднялся на крыльцо. Бегло взглянув на табличку у входа, решительно открыл дверь и вошёл внутрь.

В нос ударил затхлый воздух. С небольшими окнами, с потёками по углам, дом производил впечатление заброшенности и беспризорности. Пройдя несколько метров по мрачному коридору, мужчина отыскал нужную дверь и негромко постучал.

— Войдите,— услышал в ответ женский голос.

Мужчина вошёл, в нерешительности остановился у порога.

— Здравствуете! Моя фамилия Брагин. Зовут Юрий Иванович. Я из Санкт-Петербурга. У меня к вам очень важное дело.

— Проходите, присаживайтесь,— тёплым, мягким голосом сказала женщина, сидящая за столом.

У неё было приятное, еле тронутое морщинами лицо и чёрные с проседью волосы, туго стянутые заколкой на затылке.

— Меня зовут Надежда Фёдоровна. Что вас привело к нам?

Брагин присел и с грустью в голосе произнёс: — По сведениям, которыми я располагаю, во вверенном вам учреждении находится моя мать— Анна Максимовна Брагина. Я хотел бы встретиться с ней, поговорить... — мужчина на мгновение замаялся и заинтересованно посмотрел на заведующую. — Да, Анна Максимовна Брагина действительно находится у нас. Она давний обитатель нашего богоугодного заведения. Но позвольте полюбопытствовать: старушка столько лет одна, никто не интересовался её судьбой, и вдруг объявляется

вы... Что же побудило вас вдруг вспомнить о матери? — внимательно посмотрела заведующая на Брагина.

— Дело в том, что, будучи малолетним ребёнком, я попал в детский дом. Как выяснилось позднее, мою мать лишили родительских прав. После долгих мытарств судьба забросила меня в Северную столицу,— голос Брагина чуть дрогнул, но он быстро взял себя в руки и продолжил: — Я вырос, окончил школу, потом военный институт. Всё это время ничего не знал о матери и почти не помнил её, как, впрочем, и отца. Живу в Петербурге, служу в военном представительстве на крупном оборонном предприятии. Моя жена врач, тоже бывшая воспитанница детского дома. У нас двое детей—девочки Даша и Маша. Они скоро пойдут в школу. И вот однажды, придя из садика, Даша спросила: «Папа, а где наши дедушка и бабушка?» Я не знал, что ответить ей. Родители моей жены Светланы погибли в автокатастрофе, а судьбой своей матери я не интересовался—давала о себе знать детская обида, которая, как известно, сильнее человека, и чтобы её забыть, не хватает века. Но дочки то и дело напоминали мне, что очень хотели бы увидеть свою бабушку. И я, отринув все обиды, пересмотрел своё отношение к матери. После долгих раздумий пришёл к выводу, что дети не вправе судить и обвинять своих родителей: тот, кто тебя родил, уже прощён тобой заранее. И вот тогда, посоветовавшись с женой, я начал поиски... — Анна Максимовна рассказывала, что у неё было двое сыновей,— заметила Надежда Фёдоровна.

Брагин тяжело вздохнул и сказал:

— Мой младший брат Роман тоже воспитывался в детдоме, но не выдержал там и сбежал. Долго бродяжничал, пока не оказался втянутым в дурную историю. Был осуждён. А когда вышел на свободу, примкнул к старым друзьям и вновь получил срок. Я пытался всячески помочь ему, но безуспешно—он уже выбрал свою дорогу.

— Так вы хотите встретиться с мамой и пригласить её в гости? — спросила заведующая.

— Нет, я хочу забрать её с собой навсегда, если она согласится на это,— ответил Брагин.

— Я должна вам сказать,— потупила взгляд Надежда Фёдоровна,— что ваша мама тяжело больна... — заведующая сделала небольшую паузу и вновь посмотрела на Брагина.— Она с трудом обслуживает себя и даже иногда теряет рассудок. Ошибки молодости, как известно, бесследно не проходят...

— Жаль, конечно, что здоровье матери основательно подорвано, но мы с женой, в общем-то, были готовы к этому,— уверенно сказал Брагин.— По возможности будем лечить—покажем хорошим специалистам в надежде, что они помогут.

— Ну что же, как говорится, воля ваша,— немного приободрилась заведующая и решительно встала

из-за стола. Подошла к двери, приоткрыла её и обратилась к девушке из обслуживающего персонала:— Оленька, сходи посмотри, проснулись ли старушки в двенадцатой. Предупреди, что я сейчас зайду к ним с гостем.

Надежда Фёдоровна провела Брагина в конец коридора, открыла последнюю дверь.

— Доброе утро, мои милые,— ласково сказала она.— А у нас гость.

В небольшой мрачной комнате с голыми стенами было душно, резко пахло лекарством, хозяйственным мылом, хлоркой. На железных кроватях сидели четыре тщедушные старушки и приводили себя в порядок. Они повернули головы в сторону двери, тихонько поздоровались и с нескрываемым интересом стали рассматривать Брагина, щуря блёклые старческие глаза.

Надежда Фёдоровна прошла к окну, открыла форточку. На кровати у окна сидела старушка в байковом синем халате, с дряблыми, обвисшими щеками и выцветшими, глубоко запавшими глазами. Трясущимися руками она нервно собирала в пучок жидкие седые волосы.

— Анна Максимовна, дорогая,— обратилась к ней заведующая,— как ваше самочувствие, как спалось?

— Слава Богу,— тихо ответила старушка,— ваши таблеточки помогают. Сегодня удалось немного поспать.

— Замечательно. И выглядите вы сегодня гораздо лучше. Я была уверена, что у вас всё наладится. А теперь вот посмотрите на этого красавца,— кивнула она на Брагина, застывшего у двери.— Вы не узнаете его?

— Не узнаю,— сказала старушка и опустила голову.— Это ваш сын Юрий, Юрий Иванович,— сказала заведующая, и голос её слегка дрогнул.

Старушка вновь подняла голову и пристально посмотрела на Брагина. Глаза её расширились, на лице промелькнуло растерянное, виноватое выражение, словно её застали за нечестным занятием. Губы задрожали, по щекам покатались слёзы. Она затряслась, что-то хотела сказать, но не могла— только что-то невнятно шептала.

Брагин шагнул к ней, присел рядом на стул.

— Успокойся, мама...— обнял за плечи, поцеловал.

Старушка заплакала громко, навзрыд.

— Прости меня, сынок, это я во всём виновата,— сквозь слёзы произнесла она шёпотом.

— Мама, не плачь, не надо. Тебе нельзя волноваться. Не будем вспоминать о прошлом. Ты ни в чём не виновата— так сложились тогда обстоятельства.

Старушка немного успокоилась. Робко прижала к груди голову сына, погладила волосы.

— Какой ты у меня представительный, солидный, и выправка военная, как у отца. Если бы он тогда вернулся из Афганистана, всё у нас сложилось бы по-другому. Я очень рада, сынок, что ты не забыл меня, разыскал и приехал навесить.

— Мама, я приехал за тобой. Я офицер, подполковник. У меня хорошая семья— жена и две дочери, твои внучки. Они горят желанием увидеть тебя, им так не хватает бабушки.

Старушка вновь прослезилась, отвела взгляд, сказала тихо:

— Не надо, сынок. Я совсем плоха и не хочу быть вам обузой. Буду доживать свой век здесь, в богадельне. Лучшей доли я не заслужила. Мне тут хорошо. Спасибо, что вспомнил обо мне и простил. А Роман, видно, не простил...

— Не казни себя, мама, ты ни в чём не виновата,— вновь сказал Брагин.— Если бы отец остался жив, ты бы ни за что нас не оставила.

Старушки тихо переговаривались за его спиной, тяжело вздыхали и горестно качали головой. Одна из них не выдержала и тихонько заплакала.

Надежда Фёдоровна подошла к Брагиной, сказала:

— Анна Максимовна, пойдёте со мной в ванную комнату. Я помогу вам переодеться.

Заведующая взяла её под руку, подала костыль, стоящий у кровати, и повела в коридор. Когда дверь за ними закрылась, одна из старушек обратилась к Брагину:

— Сынок, намучаешься ты со своей мамой. Порченная она. Плохо себя обслуживает, с головой у неё не всё в порядке. Иногда говорит что-то— мы ничего понять не можем. Подолгу молится, просит у Всевышнего прощения. Часто плачет. За ней присмотр нужен и уход. А вы с женой, небось, оба работаете. Девочек на неё оставлять опасно, и одну— тоже. Разрушит она вашу семью. Невестка не выдержит такую свекровь и сбежит.

— Мы уже всё решили. Лечение и наше тёплое отношение, надеюсь, помогут ей быстро поправиться,— ответил Брагин.

— Лучше бы ты определил её в дом престарелых поблизости от своего жилья. Навещали бы её по выходным, подарочками бы изредка баловали, и то ей была бы большая радость. А дома она будет для вас только невыносимой обузой...

— А детям своим как бы я объяснил, что их бабушка в казённом доме? Как они потом, когда вырастут и всё узнают, обойдутся с нами, беспомощными стариками? Тоже в богадельню сдадут? Несмотря ни на что, дети в вечном долгу перед своими родителями и обязаны заботиться о них всегда, особенно в старости. В противном случае их дальнейшая участь будет незавидной.

Брагин немного перевёл дух и взволнованно продолжил:

— Один знакомый, у которого жена мегера, рассказал мне такую историю. Он решил отвезти на машине старика отца в дом престарелых. Посадил на скамеечку у входа и пошёл оформлять документы. Вернулся и застал отца плачущим. Сын решил, что отец не хочет жить в казённом доме, и стал его

утешать: мол, тут тебе будет неплохо. А отец под-нял залитое слезами лицо и сказал с горечью: «Я не о том плачу, сынок. Я плачу, когда вижу, как мало в этом парке выросло деревьев с той поры, когда я сюда привёз и оставил своего отца!» — «Садись в машину, отец! Поехали домой», — сказал сын. И больше никогда не помышлял о том, чтобы отправить отца в богадельню...

Туман рассеялся. Скупое осеннее солнышко на мгновение выглянуло из-за туч и нежно осветило двор.

Провожать Анну Максимовну вышли все обитатели богоугодного заведения, кто мог маломальски двигаться. Старушки стояли на крыльце, печально смотрели, как Брагин заботливо усаживает мать в машину, нервно комкали кончики платков, вытирали ими глаза.

В Северную столицу прибыли утром. Не изменяя давней традиции, город встретил их тёплым дождиком. Но пока ехали по набережной, дождик кончился, и над красавицей Невой, одетой в камень, за клубился розовый туман, пропитанный тихим утренним солнцем. Юрий Иванович достал мобильник, набрал нужный номер и, немного волнуясь, сказал:

— Доброе утро, Светлана! Мы уже дома. Встречай.

Брагин остановил машину неподалёку от подъезда и, несмотря на ранний час, увидел рядом с женой дочерей. Девочки, завидев старушку, тотчас наперегонки бросились к машине, крича на бегу:

— Бабушка приехала! Бабушка приехала!

Сыночек

*Любовь мы завещаем жёнам,
Воспоминанья—сыновьям,
Но по земле, войной сожжённой,
Идти завещано друзьям.*

К. Симонов. Смерть друга

Помнится мне из детства, как каждой послевоенной осенью, а нередко и весной, отец собирался в дальнюю дорогу. Мать готовила ему котомку с нехитрой едой и обязательно клала в сумку какой-нибудь подарок: домотканое полотенце с вышитыми петухами, кружевной платочек, тёплые вязаные носки или простенькую тёмно-синюю козыночку в белый горошек, купленную в сельмаге.

Мы провожали отца за околицу. На прощание мать наказывала ему:

— Кланяйся от нас Анне Арсентьевне, желай ей доброго здоровья и долгих лет жизни.

Я был мал и поначалу думал, что отец не забывает своих фронтовых друзей в Белоруссии, навещается к ним в гости. А когда подрос и услышал имя женщины, которой мать передавала приветы и подарки, понял, что ошибался. Однажды я спросил у матери:

— А кто такая Анна Арсентьевна, которую навещает отец?

— Это мама его фронтового друга, героически погибшего в неравном бою с фашистами на Курской дуге. А теперь и его мама... Вот уже несколько лет отец во время отпуска навещает старушку, которая до сих пор не ведает, что её сына давно нет в живых...

С Мишей Климовичем отец познакомился на курсах артиллеристов накануне войны. Приглянулся ему этот белокурый белорусский парень с непростой судьбой, никогда не унывающий, общительный, дружелюбный и очень находчивый. Отец тоже пришёлся Михаилу по душе, и они крепко подружились. И оба были несказанно рады, когда после окончания курсов их вместе направили в стрелковый полк, который базировался на территории Белоруссии, под Могилёвом. В полку отца назначили командовать сорокапятимиллиметровой противотанковой пушкой, и он, подбирая себе боевой расчёт, сумел убедить командование, чтобы наводчиком у него был Михаил Климович. И в дальнейшем отец ни разу не пожалел об этом.

Оказавшись на передовой, друзья получили боевое крещение в самом начале войны — в июле 1941-го, когда немцы предприняли наступление на город Могилёв со стороны Бобруйского шоссе. Ожесточённые бои развернулись на Буйничском поле, где оборону держал их 388-й стрелковый полк под командованием полковника Кутепова. На рассвете армада немецких танков вышла на опушку леса и открыла ураганный огонь по позициям полка, пытаясь смять их с ходу. Полковая артиллерия встретила их ответным огнём.

Потеряв несколько машин, немцы двинулись в обход противотанкового рва, но здесь наткнулись на минное поле. Семь танков были подорваны сразу. Уцелевшие разделились на две группы и рванули вперёд. По ним открыли огонь противотанковые пушки — «сорокапятки»... В этом огненном пекле было уничтожено почти четыре десятка танков противника, сотни солдат и офицеров. Полк нанёс ощутимый урон врагу, но и сам истёк кровью. Ещё неделю продолжались бои, и только подтянув свежие силы, немцы стали смыкать кольцо вокруг остатков полка...

Вырвавшись из окружения, артиллерийский расчёт отца получил пополнение и прошёл с боями от Ельни до Курской дуги. На всём фронтовом пути их «сорокапятка» успешно громила немецкие танки. За мужество и храбрость, проявленные в боях с врагом, артиллеристы несколько раз были представлены к боевым наградам.

В грандиозном танковом сражении под Прохоровкой, в минуты короткой передышки между боями, Михаил Климович, словно предчувствуя беду, обратился к отцу:

— Впереди тяжелейшее испытание — смертельный бой. Если кому-то из нас доведётся выжить, то он просто обязан навестить родных погибшего и сообщить им о последних часах его жизни. У меня на белорусской земле, в небольшой деревушке, осталась старенькая больная мать. Она совсем слепая, а недавно соседка написала, что мать перенесла тяжёлую простуду и стала очень плохо слышать. Бедная мама, опасаясь, что она пропадёт без меня... — Не волнуйся, брат, — ответил отец, — будем живы да Богу милы, а остальное всё в наших силах. Давай лучше думать о том, как нам и на этот раз выйти победителями в предстоящем ожесточённом сражении. Ведь мы с тобой везунчики — из какого пекла выбрались в первые дни войны под Могилёвом! Да и в дальнейшем не раз приходилось туго, но Бог миловал...

После артподготовки началось наступление полка, завязался жестокий бой, в котором Михаил Климович был смертельно ранен осколком снаряда. Истекающий кровью, он напомнил отцу об уговоре и попросил передать матери личные документы и награды...

Зимой 1945-го при форсировании реки Одер отец получил тяжёлое ранение в ногу. После длительного лечения его комиссовали из армии, и по весне, прямо из госпиталя, он отправился в лесную белорусскую деревеньку с красивым названием Серебряный Ручей, где жила мама Михаила Климовича, Анна Арсентьевна.

Отыскав неказистую хатку на окраине деревни, отец постучал в окно. Маленькая сухонькая старушка в телогрейке и цветном сатиновом платочке приоткрыла дверь и с порога бросилась в объятия. Она плакала и приговаривала:

— Сыночек, родненький, Мишенька мой любимый, я так ждала тебя, все глаза проглядела, день и ночь молила Бога, чтобы ты вернулся живым и здоровым. И Господь наконец услышал меня. Я ночами не спала, всё прислушивалась, боялась проспять твой стук в окно...

Отец-детдомовец с малых лет не знал ласкового слова «сыночек». Он с трудом проглотил душивший его комок, смахнул набежавшую слезу, крепко обнял и поцеловал старушку.

— Не волнуйся, дорогая мама, теперь мы снова вместе, и у нас с тобой всё будет хорошо, — заверил он её.

Засучив рукава, отец стал помогать Анне Арсентьевне по хозяйству. О Мише не проронил ни слова и соседку Любу, которая навестила Анну Арсентьевну, предупредил, чтобы та не проговорила ей: правда о сыне может убить больную старушку.

Отец долго не решался поехать домой, к своей семье, не зная, как объяснить Анне Арсентьевне свою отлучку, чтобы не обидеть старушку, оставив её одну, но спустя время отважился обратиться к ней:

— Мама, прости меня, но мне необходимо отправиться в город, который я освободил. Там мне предложили работу и жильё. Там и девушка моя живёт, которой я писал письма с фронта и из госпиталя. Она меня очень ждёт. Ты только не переживай. Береги своё здоровье. Обживусь в городе и заберу тебя к себе. А пока буду часто навещать, заботиться о тебе...

Старушка всплакнула и с горечью молвила: — А соседка Любушка все эти годы ждала тебя, сыночек, письма писала, надеялась на что-то. Мне много помогала по дому и в огороде, а когда я хворала, лечила меня, ухаживала за мной. Девушка видная, душевная, покладистая. В её руках всё горит. Хорошая жена и невестка кому-то достанется — хозяйка будет на редкость...

Отец промолчал. Что он мог ответить старушке?! Что его друга, а её сына, которого Любушка ждала с фронта, нет в живых? И девушка обо всём знает и ужасно страдает, но не подаёт виду?..

— Коль душа не лежит — не надо себя неволить, сыночек. Устраивай свою жизнь, Мишенька. За меня не беспокойся. Я уже привыкла жить одна. Да и Любушка не забывает, каждый день навещает, помогает чем может. Слава Богу, я дождалась тебя, знаю, что живой... Только заглядывай почаще домой, не забывай свою мать.

Прошло время, и отец получил из деревни письмо, написанное по просьбе старушки её соседкой. В письме сообщалось, что Анна Арсентьевна простыла, тяжело заболела, испытывает сильную слабость и напоследок обращается с просьбой: «Мишенька, сыночек дорогой, я захворала и хочу взглянуть на свою будущую невестку. Привези, покажи, а то умру и голоса её не услышу. А мне так хочется знать, что за женщина с тобой рядом — настоящая хозяйка или так себе, душевный человек или нет, способна ли на добро и ласку, обучена ли женской работе, можно ли на неё положиться, когда столкнёшься с жизненными трудностями...»

Выполняя волю Анны Арсентьевны, отец отправился в гости к ней вместе с моей матерью. Мать Анне Арсентьевне очень понравилась.

— Хороша молодка — цены ей нет, — хвасталась соседям старушка. — Хлопотунья редкая — минуты без дела не сидит. Избушку свою не узнаю — солнышко в ней заиграло: всё перестирала, перемыла, вычистила, в палисаднике и в огороде порядок навела. А сыночек тем временем заготовил дров, подлатал крышу, почистил печную трубу, истопил баньку. Я так рада, что у молодых всё ладится. Даст Бог, скоро детки пойдут — дом наполнится радостью и весельем...

Когда Анна Арсентьевна немного поправилась и пришло время родителям возвращаться домой, старушка разволновалась, прослезилась:

— Вот теперь и умирать не страшно. Душенька моя спокойна. Правда, внучат не дождалась, но знаю,

что детки у вас будут красивые, ласковые, добрые, будут навещать бабушку на погосте, приносить цветы. А я буду смотреть на них с небес и радоваться.

— Мама, я хотел бы, чтобы ты переехала к нам. Тебе здесь очень трудно одной. Мы уже и комнату тебе приготовили. Собирай свои пожитки. Я тебя на машине отвезу,— предложил отец.

— Спасибо, сыночек,— вытерла кончиком платка слёзы Анна Арсентьевна. — Боюсь, что не выдержу дальней дороги—сердечко тревожит. Да и зачем тебе лишние хлопоты? Я для вас только обузой буду. Я и так благодарна Господу, что ты столько лет бережёшь меня, заботишься обо мне. Не переживай. Я уйду с лёгкой душой...

На похороны Анны Арсентьевны мы ездили все вместе. На поминках старушки отец рассказал селянам о её отважном сыне, героически погибшем на Курской дуге, а те благодарили отца за сыновнюю заботу о матери фронтового друга, за его доброе сердце.

И письма, и награды Михаила Климовича отец передал председателю местного сельского совета. Спустя время отец поставил на могиле Анны Арсентьевны памятник, а рядом, в оградке,—символический памятник боевому другу с красной звёздочкой на вершине.

До конца своих дней, в День Победы, отец продолжал ездить в белорусскую деревушку на могилу фронтового друга и его матери. А теперь, когда отца нет в живых, там бываю я. Ухаживаю за могилами, возлагаю цветы. Могилы всегда содержатся в хорошем состоянии. Недавно я узнал, что над ними шефствуют местные школьники.

Незабудка

Моей музе Майе

В молодые годы меня как магнитом тянуло на малую родину. Будучи уже городским человеком, я старался не пропустить ни один выходной, чтобы не заглянуть в своё Заречье, не повидать родителей, друзей, не побродить по тропкам детства.

В ту пору Заречье было большим селом и очень живописным.

На две части его разделял глубокий овраг, по обе стороны которого в густых садах прятались деревенские хаты. Внизу под обрывом, петляя среди кустов, тихо несла свои воды речушка Аксинка. А вдали на взгорье, словно защищая село, тянулись к небу величавые деревья, преимущественно липы и тополя с серебристой листвой. Старожилы села рассказывали, что до революции эти земли принадлежали помещице и здесь был красивый парк. Вековые деревья—всё, что осталось от бывшей дворянской усадьбы.

Особенно мне нравилось проводить в селе праздники, главным из которых был День Победы.

В этот волнующий весенний праздник наша большая семья собиралась за длинным деревенским столом. Мы поздравляли отца-фронтовика, слушали его рассказы о нелёгких военных путях-дорогах, о друзьях-однополчанах, сложивших свои головы на полях сражений. А потом пели: «Катюшу», «Журавли», «На безымянной высоте», «Синий платочек», «Тёмную ночь». Я замечал, как у моего отца, инвалида войны, кавалера двух боевых орденов, на глаза накатывались слёзы и падали на белую скатерть...

Однажды я приехал в село накануне праздника Победы и решил сходить на утреннюю зорьку порыбачить, чтобы приготовить уху к праздничному столу.

Я встал ни свет ни заря, но пока возился с нехитрыми снастями, за окном стало светать. Когда вышел из дому, зеленоватая полоска на востоке уже розовела. Рассветный ветерок пахнул в лицо прохладой, росистой свежестью и донёс из соседнего сада волнующий запах влажной мяты. Майское утро было подёрнуто лёгкой дымкой, а в низине над рекой клубился густой туман.

Я живо пробрался к реке и направился к небольшой заводи, которую облюбовал ещё с детства. И тут с удивлением заметил, что на бережку под кустом уже устроился рыбак. Подойдя поближе, узнал в нём деда Душку, как его прозвали односельчане. В селе знали и уважали старика. Григорий Семёнович Гуров, как и мой отец, был фронтовиком, имел боевые награды, а после войны работал в сельсовете.

— Доброе утро, Григорий Семёнович,—поприветствовал я старика. — С наступающим праздником Победы! Здоровья вам на долгие годы!

Дед Душка слегка крёхнул, привстал, протянул мне руку и сказал:

— Спасибо на добром слове, сынок! И тебя поздравляю с великим всенародным праздником Победы!

Я собрался пройти дальше, но старик остановил меня:

— Присаживайся рядом. Вместе веселее будет. Давай закурим, согреемся малость.

Я угостил деда сигаретой, подготовил удилице, достал наживку, надел на крючок и закинул удочку под соседний куст. Сел рядом с дедом на берег, поросший ярко-зелёной травой-муравой, закурил, искоса поглядывая на старика.

Старик был среднего роста, статен, широк в плечах. Лицо смугловатое, молажавое, добродушное. Глаза мудрые, с затаённой грустью. Густые, совершенно седые волосы выбивались из-под тёмной вязаной шапки. Голос мягкий, приятный. Весь вид старика располагал к себе. И я подумал, что, видимо, поэтому и прозвали его в селе Душкой.

Мы сидели, курили, иногда перебрасывались несколькими словами. Дед рассказывал о реке, которая в лихие годы спасала людей от голода — рыбы было полно.

— А теперь изобрели варварские способы, как её добыть без труда. Вот и перевелась рыбка, — заключил дед.

Солнце уже выглядывало из-за дальней кромки леса на горизонте. А вскоре показалось целиком и озарило ярким светом противоположный берег. И тут мне бросилась в глаза поляна меж кустов, укрытая голубыми цветами.

— Какая красота! Глаз не оторвать! — восторженно сказала я старику, указывая рукой на другой берег. — Словно кусочек неба упал на поляну...

— Это незабудки, весенние красавицы, — пояснил старик, и его глаза вспыхнули каким-то ласковым, нежным светом. — Ранней весной они зацветают в эту пору. Благородные цветы с лепестками цвета неба и с солнечной сердцевинкой. И пахнут они тонко, нежно. Разновидностей их много. В народе этот цветок называют горлянкой, пригожницей. О нём много легенд сложено, и все они о верности и доброй памяти. По одной из легенд, богиня растительного мира Флора не заметила маленький голубой цветок и забыла дать ему имя. Незамеченный цветок испугался и стал тихо повторять: «Не забудь меня!» Услышав это, Флора улыбнулась и дала ему имя — Незабудка. С того времени люди стали верить, что эти маленькие нежные цветы имеют возможность возвращать забытые воспоминания...

Я с нескрываемым удивлением посмотрел на старика.

— Дед Гриша, откуда такие познания о растительном мире?

Дед слегка улыбнулся и сказал:

— С этим цветком связано самое важное в моей жизни...

— Это любопытно, — сказал я и приготовился слушать.

Но старик не спешил открывать душу. Он закурил, глубоко задумался.

— Ключёт, — негромко крикнул я, увидев, что поплавок дедовой удочки резко ушёл под воду.

Взглянув в сторону своего удилища, заметил, что и мой поплавок задёргался. Мы подсекли почти одновременно и вытащили на берег полосатых окуньков, размером с ладонь. Живо сняв их с крючка, нацепили наживку и вновь забросили удочки. И почти сразу поплавки ушли под воду. Такой отменный клёв продолжался примерно четверть часа. За это время мы успели вытащить по полтора десятка окуней. А потом — как отрезало...

— Так чем же вам памятливы цветы незабудки? — не выдержал я, напомнив старику наш прерванный разговор.

— Ну, коль ты заинтересовался, придётся рассказать, — вздохнул старик, и мне показалось, что голос его слегка дрогнул...

— Детство моё прошло в соседней деревне Любимовке, — немного успокоившись, начал свою историю дед Гриша. — Там окончил начальную школу, а потом пошёл в Зареченскую среднюю школу. Где-то классе в восьмом я впервые обратил внимание на бойкую курносую девчущку с красивыми косичками и какими-то бездонными глазами цвета внешней воды. Я потерял покой. Сам себе удивлялся, как я раньше не замечал Нину Ганину, ведь учились в одном классе. А теперь боялся даже глаза на неё поднять, а при встрече с ней терял дар речи. Робость моя усиливалась ещё и тем, что её мать была учительницей, а отец — председателем колхоза. А мои родители — простые крестьяне. Но однажды я набрался храбрости и решился заявить о себе. Тёплым весенним вечером я отправился в Заречье, чтобы увидеть Нину. По пути собрал на поляне букетик голубеньких цветов, от которых исходил нежный аромат. Я не знал тогда, как они называются, но цветы показались мне похожими на Нинины глаза. Я долго крутился возле дома Нины, но так и не встретил её. А когда стемнело, пробрался в палисадник, кинул букетик в окно задней комнаты и бросился наутёк.

Утром, придя в школу, заметил, что Нина с каким-то интересом рассматривает меня. Мне показалось, что она хотела подойти и что-то сказать мне, но так и не решилась. Я понял, что привлёк её внимание, и стал изредка вечерами проделывать тот же фокус — бросать в Нинино окно букетики голубых цветов. И однажды был пойман с поличным. Когда я в очередной раз пробрался в её палисадник и нацелился бросить цветы в окно, оно резко распахнулось. В окне стояла Нина и улыбалась мягкой улыбкой.

— Ах, вот кто мой тайный поклонник, — тихонько молвила она. — А я-то гадаю... Подожди меня у околицы. Я сейчас выйду.

Я ни жив ни мёртв выбрался из палисадника и направился в сторону околицы. Нина догнала меня, улыбнулась и сказала:

— Теперь можешь лично вручить мне цветы.

Ни слова не говоря, я протянул Нине свой скромный букетик. Она уткнулась в него лицом, вдохнула в себя тонкий аромат полевых цветов. — Как же они скромны и нежны! А ты знаешь, как они называются?

— Нет, — признался я.

— Это незабудки — мои любимые цветы. Про них много легенд сложено. Вот одна такая легенда. Влюблённая пара гуляла вдоль реки. Девушка заметила на краю берега красивый цветок. Парень решил его сорвать, чтобы подарить любимой, но не удержался и упал в воду. «Не забудь

меня!» — только и успел крикнуть парень, пока его не унесло сильное течение. Так цветок и получил название «незабудка».

Мы стали встречаться с Ниной. Это не понравилась местным парням, и они решили проучить чужака. В погожий весенний вечер в бывшем помещицьем парке, через который пролегалая моя тропа к дому Нины, меня встретили трое незнакомых парней.

— Что-то ты повадился сюда? — спросил один из них, сплюнув под ноги.

— А кого это волнует? — решительно ответил я. — Меня волнует, — откликнулся плотный рыжий парень и неожиданно нанёс мне удар рукой снизу в живот, под солнечное сплетение.

Я согнулся пополам, но быстро отдышался, разогнулся и резко ударил его ногой в пах. Парни набросились на меня и стали молотить так, что я не успевал увёртываться. Когда я оказался поверженным, они повернулись и исчезли в темноте, предупредив меня:

— Забудь сюда дорогу!

Через неделю я снова был в Заречье. Наклонив голову, смущённо улыбаясь, я стоял перед Ниной с лиловым сыняком под глазом.

— Я слышала, что тебе здорово досталось из-за меня? — спросила Нина.

— Пустяки, — сказал я. — Ты того стоишь. До свадьбы всё заживёт.

На обратном пути меня встретила та же троица. Рыжий спросил:

— У тебя что, серьёзно с ней?

— Серьёзнее не бывает, — ответил я.

— Ладно, гуляй пока, но если она скажет тебе «нет» — пеняй на себя...

Позднее я узнал, что Рыжий клеился к Нине, но она отказала ему. И тогда он стал угрожать ей: — Гриньке ты не достанешься. Я его уничтожу...

Нина в ответ заявила:

— Только тронь ещё раз Гришу — тебе несдобровать...

Дед Гриша закашлялся, погасил сигарету о каблук сапога и продолжил:

— После десятилетки я поступил в сельхозтехникум, а Нина — в педагогический. Мы стали видеться реже, но переписывались. Встретились на коротких зимних каникулах и очень ждали летних, чтобы провести их вместе. Мечтали, выдумывали будущее. Но нашим планам не суждено было сбыться. Мы успели окончить только первый курс, как началась война.

Тем же летом, приписав себе год, я тайком от родителей и Нины стал проситься на фронт. В военкомате, где постоянно была большая очередь парней и мужчин, рвущихся, как и я, на фронт бить врага, мне вручили повестку на курсы младших лейтенантов.

На всю жизнь запомнил я тот тёплый летний вечер, когда прощался со своей Незабудкой. Мы бродили по парку, говорили о чём-то, но в голове неотвязно крутилась мысль о предстоящей разлуке. Вокруг было так тихо и спокойно, что не верилось, что где-то уже гремит война, что далеко на западе видны её яркие всполохи.

— Мой любимый Гришуня! Не забудь меня! И обязательно вернись! — волнуясь, сказала Нина.

Она обняла меня, прижала к груди, заглянула в глаза. И в этом взгляде было столько любви, нежности... Нина поцеловала меня и заплакала. Я гладил её по голове, успокаивал:

— Не плачь, моя милая Незабудка! Я скоро вернусь, мы сыграем с тобой красивую свадьбу и будем жить в любви и согласии до глубокой старости.

Потом я не раз вспоминал тот вечер и беспощадно корил себя за свою недогадливость и сдержанность...

Весной сорок второго года, после окончания курсов, я получил назначение командиром взвода в гвардейский стрелковый полк семьдесят пятой гвардейской стрелковой дивизии шестидесятой армии Центрального фронта. В одном из боёв был ранен осколком в ногу. Находясь в госпитале, получил письмо от Нины. Она писала: «Мой любимый, родной Гришуня! Не могу смотреть, как фашисты хозяйничают на нашей земле, как издеваются над нашими стариками, женщинами и детьми. Ухожу с подругой в партизанский отряд. Буду сражаться с ненавистным врагом... Береги себя и не забудь меня! Крепко целую тебя, мой ненаглядный. Твоя голубоглазая Незабудка». Так заканчивалось её письмо. Я написал ей, но ответа от Нины не получил.

Второе ранение я, гвардии лейтенант, получил в сентябре сорок третьего года, когда в составе передового отряда нашего полка форсировал реку Днепр под Киевом. Враг вёл шальной огонь, но мы нашли брешь в обороне фашистов и удачно закрепились на другом берегу, уничтожив три пулемётных расчёта противника. До подхода основных сил наш отряд отражал контратаки врага. Здесь я был ранен в предплечье разрывной пулей. Фронтные врачи сохранили мне руку, но признали инвалидом, и я был комиссован из армии. Из госпиталя я писал Нине, но ответов не дождался.

В октябре я вернулся в Заречье, которое к тому времени уже было освобождено от фашистов. Шагая по улице родного села, я в который раз мысленно прокручивал встречу с Ниной. И вдруг поймал себя на том, что меня не покидает чувство тревоги. Так оно и вышло. Едва я переступил порог отчего дома, как меня настигло страшное известие: моей Незабудки уже нет в живых. Нина погибла незадолго до освобождения родного Заречья. О том, как это случилось, я узнал от подруги Нины по партизанскому отряду.

В августе сорок третьего наша местность стала передфронтовой. Под ударами Красной Армии фашисты отступали, откатывались в сторону Белоруссии. Партизаны помогали нашему фронту как могли — били фашистов на лесных и железных дорогах, громили их гарнизоны. Особой активностью отличалась партизанская бригада бывших пограничников, в которую входил отряд «За Родину!». Днём и ночью, рискуя жизнью, разведчики подрывали вражеские поезда с живой силой и техникой. В середине августа четверо разведчиков из партизанского отряда, среди которых была и Нина Ганина, отправились на боевое задание. Диверсионной группе предстояло проникнуть в расположение немецких войск в районе села Заречье, заминировать железнодорожное полотно и подорвать вражеский эшелон вблизи разъезда.

Пробираясь к Заречью знакомыми стёжками-дорожками, Нина представляла, как незаметно проникнет в родной дом, как обнимет мать и отца, узнает от них свежие новости, расспросит о расположении немецких войск у железной дороги. В те минуты Нина не знала, что ей не дойти до родного дома, не увидеть родных. За связь с партизанами гитлеровцы накануне арестовали отца и мать, а на подступах к дому устроили засаду.

Пулёмётная очередь раздалась внезапно. Как подкошенный, упал разведчик, идущий впереди. Группа стала отходить, унося раненого товарища. И тут за смертью падает на траву Нина, пронзённая пулей в грудь. «Уходите, я задержу их», — умолял ребят раненый разведчик. Он остался и отстреливался до последнего патрона, а потом подорвал себя гранатой.

Тела погибших партизан фашисты долго возили по окрестным деревням, требуя их опознания. Не добившись нужного ответа, они бросили трупы у дороги, запретив жителям хоронить их. Однако ночью селяне предали земле тела погибших народных мстителей...

Дед Гриша вновь закурил, задумался, долго молчал. Молчал и я. Было видно, как нелегко дались старику эти воспоминания о прожитой жизни, заставившие его вновь пережить и светлые мгновения далёкой юности, и нелёгкие фронтовые испытания, и неизбывное горе...

— После войны меня избрали секретарём сельского совета, — продолжил свой рассказ фронтовик. —

Я как бы хотел, чтобы останки партизана-разведчика были перезахоронены в братской могиле, а останки Нины — в родном селе. Три года спустя, когда душевная боль немного утихла, я женился на Нининой подруге. Вместе с ней мы поставили памятник моей Незабудке и ухаживали за её могилкой. Недавно жена умерла, и я остался один. Хотя нет, не один. Я давно понял, что Нина всю мою жизнь незримо была со мной, помогала мне. Помогает и поныне. Память о ней живёт во мне негасимым, греющим огоньком и будет жить до самого последнего моего часа...

Солнце уже пригревало основательно, весело играя нежными лучами в прозрачной речной воде. Утренний туман, таившийся в прибрежных кустах, растаял без следа. Разгорался новый благодатный день. Поклёвки больше не наблюдалось, и мы решили закончить рыбалку. Прихватив снасти и рыбу, прошли вдоль берега реки и, свернув на тропу, стали подниматься в гору. Домик деда Душки стоял в саду, у самого обрыва с видом на реку. — Придя с фронта, — сказал дед, — я предложил родителям перебраться из Любимовки в Заречье, чтобы быть ближе к Нине. Здесь, в живописном месте, мы приобрели старую хатку, снесли её, а на этом месте возвели новый дом...

На прощание я обнял деда Гришу, крепко пожал ему руку, поблагодарил за интересный рассказ.

То ли старика тронуло моё тёплое отношение к нему, то ли взволновали пережитые воспоминания — в его глазах блеснули слёзы. Старик тотчас повернулся и, слегка сутулясь, зашагал к дому. Я смотрел ему вслед, и мне до боли в сердце стало жаль его, одинокого, глубоко несчастного...

Наутро я встал рано и первым делом поспешил туда, где накануне увидел поляну среди кустов, укрытую незабудками.

По мосткам я пробрался на другой берег реки, собрал букетик влажных от росы цветов и отправился на сельское кладбище. Всё ещё находясь под впечатлением от рассказа деда Гриши, я горел желанием увидеть... Нину. Среди стройных кладбищенских берёз отыскал ухоженный могильный холмик. С надгробной пирамидки светлым взглядом больших небесных глаз на меня смотрела девушка редкой красоты с пышной косой на груди. Холмик был сплошь усеян цветущими незабудками, на которых, словно слёзы, блестели капли росы.